Сложности адаптации: политические проекты позднего славянофильства

Рецензия на монографию: Марей М. Д. Политические проекты поздних славянофилов: идеи переустройства российской государственности. СПб.: Евразия, 2024.

Константин Белов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: kdbelov@edu.hse.ru

Для цитирования: *Белов К.* (2025). Сложности адаптации: политические проекты позднего славянофильства. Рецензия на монографию: Марей М. Д. Политические проекты поздних славянофилов: идеи переустройства российской государственности. СПб.: Евразия, 2024 // Patria. Т. 2. № 2. С. 116–119.

doi: 10.17323/patria.2025.26797

Challenges of Adaptation: Political Projects of Late Slavophilism

Review of the Monograph “Political Projects of the Late Slavophiles: Ideas for the Restructuring of Russian Statehood” St. Petersburg: Eurasia, 2024.

Konstantin Belov

HSE University (Moscow)

E-mail: kdbelov@edu.hse.ru

For citation: Belov K. (2025) “Challenges of Adaptation: Political Projects of Late Slavophilism. Review of the Monograph ‘Political Projects of the Late Slavophiles: Ideas for the Restructuring of Russian Statehood’”, *Patria*, vol. 2, no. 2, pp. 116–119.

doi: 10.17323/patria.2025.26797

Монография М. Д. Марей посвящена исследованию политических проектов поздних славянофилов. Работа состоит из двух частей. Первая часть посвящена анализу славянофильства как объекта исследования с акцентом на терминологических и историографических сложностях, связанных с его изучением. Вторая часть повествует об идеях и политических проектах отдельных представителей позднего славянофильства, каждый из которых рассмотрен в отдельной главе.

Исследователь, занимающийся славянофильскими сюжетами, всегда сталкивается со сложной задачей: определить объект своего исследования. Причины этих трудностей многообразны. Во-первых, славянофильство не представляло собой единой политико-философской системы, разделяемой всеми ее сторонниками, а скорее являлось совокупностью концептов и ценностей, которые в различных комбинациях интерпретировались интеллектуалами внутри «московской партии». Задача становится еще более сложной, когда речь заходит о славянофильском наследии начиная

с 1870-х годов. В этот период их идеи и политический язык выходят за пределы узкого круга московских единомышленников, адаптируются и трансформируются в новых политических реалиях пореформенной России.

Во-вторых, при попытке дать определение славянофильству существует риск сконструировать желаемый результат, а не отразить сложность явления. Так, например, в историографии сложилась влиятельная и устойчивая традиция создания идеального типа славянофильства, который предполагает четкое определение его идейных границ и политической позиции, а все, что выходит за эти рамки, фиксируется как отклонение. Такой подход упускает из виду динамику и сложный идейный рельеф интеллектуального движения. Славянофильство находится вне привычных политических рамок и плохо поддается редукции.

Первая часть монографии открывается прояснением ключевых терминов, используемых в исследовании — «поздние славянофилы» и «неославянофилы», — а также обстоятельным историографическим обзором. Автор отмечает, что в историографии существуют значительные разночтения в их трактовке. С одной стороны, представлена интерпретация Н. И. Цимбаева, согласно которой позднее славянофильство воплощено в процессе постепенной идейной периферизации, поддерживаемой малопримечательными эпигонами. С другой стороны, существует более близкий автору взгляд, выраженный К. А. Соловьевым, который рассматривает неославянофильство как не сводимые воедино попытки адаптировать идеи классических славянофилов к меняющимся реалиям эпохи. Исходя из этого М. Д. Марей предлагает взглянуть на позднее славянофильство без негативных коннотаций, используя этот термин для обозначения людей, которые идентифицировали себя как славянофилов или преемников их идейного наследия (с. 12). Классическое славянофильство 1840–1860-х годов автор рассматривает в рамках московского кружка и круга связанных с ним авторов, придерживаясь сложившихся в историографии конвенций (с. 19).

Таким образом, выстраивается четкая картина исследуемого явления, в рамках которого неославянофилы предстают не как усредненная концепция, а как конкретные личности, каждая из которых по-своему интерпретировала идейное наследие старшего поколения.

Вторая и основная часть работы состоит из шести кратких глав-новелл, каждая из которых посвящена отдельному герою. Здесь важно еще раз подчеркнуть, что для автора поздние славянофилы не ограничиваются кругом соседствующих друзей-единомышленников, как это было характерно для старшего поколения. Позднее славянофильство предстает прежде всего как вопрос личной идентификации и общественного признания.

В тексте справедливо отмечено, что семейной историей славянофильство было только для Федора Дмитриевича Самарина и Дмитрия Алексеевича Хомякова. Пожалуй, к этой группе можно отчасти причислить и генерала Александра Алексеевича Киреева, чье родовое имение находилось по соседству с усадьбами Аксаковых, Самариных и Хомяковых, с семьями которых его отец поддерживал близкое знакомство (как извест-

но, для славянофильского круга соседство и родство играли далеко не последнюю роль). Среди лиц, взглядам которых посвящены главы книги, также следует упомянуть видного земца Дмитрия Николаевича Шипова, публициста и монархиста Клавдия Николаевича Пасхалова, а также экономиста Сергея Федоровича Шарапова, который в молодые годы работал в газете «Русь».

М. Д. Марей отмечает, что поздние славянофилы, в отличие от своих идейных предшественников, не создали собственных полноценных и масштабных теорий. Их также в меньшей степени интересовали переосмысление или критическая ревизия славянофильского наследия. Автор связывает использование прежнего категориального аппарата прежде всего с тем, что эпоха теоретических споров ушла, а многие актуальные вопросы 1840–1860-х годов потеряли свою остроту. Кроме того, изменились сами способы обсуждения идей (с. 37). Эта мысль становится еще яснее, если обратиться к выводам книги, где подчеркивается, что к 1880-м годам славянофильство, его идиоматика стали общим местом, прочно войдя в общественный дискурс (с. 176–178). Славянофильство, так и не став в руках своих «наследников» единой и завершенной системой, превратилось в гибкий набор концептов, которые были ясны и использовались как либералами, так и консерваторами не только для осмысления современных проблем, но и как способ доступной коммуникации. В таком случае затруднительно говорить об угасании или растворении славянофильской теории; скорее, речь идет о трансформации ее идейного наследия. Гибкий язык славянофильства, обладающий широким интерпретационным потенциалом, в руках поздних славянофилов оказался обращен к практике. На первый план выходит проблема согласования опыта и его формализации в рамках существующих концептов и идиом.

Структура глав внутри второй части во многом схожа: автор останавливается на ключевых для героев книги идеях, контекстуализируя их. В частности, М. Д. Марей демонстрирует, как поздние славянофилы осмысляли стремительно меняющийся политический ландшафт России конца XIX — начала XX века и идейно адаптировались к нему. Каждая глава представляет собой своего рода интеллектуальный маршрут по тем «общим местам» славянофильского наследия, которых касались поздние славянофилы. Среди них: роль и место самодержавия, природа русского народа, образ Земского собора, значение православия, идея особого пути России, феномен правового нигилизма и так далее. Например, правовой нигилизм, характерный для славянофилов, мог принимать совершенно разные формы. Для некоторых он становился символом полной катастрофы, симптомом глубокого упадка. Такую точку зрения, в частности, разделял генерал Киреев (с. 92). А для политика и земца Д. Н. Шипова роль права была не столь однозначно негативна: по его мысли, право должно быть предпосылкой к наиболее нравственной жизни общества и государства (с. 125). Таких примеров можно привести достаточно. Не менее контрастным примером может служить позиция Ф. Д. Самарина. В отличие от старшего поколения славянофилов, он не видел в создании Земского собора перспективы для единения между сувереном и народом. Более

того, Самарин отказывал земле в той роли, которую ей традиционно отводили его предшественники (с. 40–48).

В заключительной части книги во многом подводится итог уже сказанному: поздние славянофилы столкнулись с непростой задачей — им необходимо было, реагируя на вызовы времени, адаптировать славянофильское наследие к новым условиям, сохранив при этом его ключевые ценности. Среди таких ценностей, например, оставалось самодержавие, которое продолжало играть центральную роль, хотя и наполнение этого понятия могло существенно разниться.